

Америка прощается с Робсоном

Америка оплакивает сына-гиганта. Слезами запоздалыми. Робсону понадобилось умереть, чтобы о нем вспомнили и вернули прощальной вспышкой на газетные страницы и телевизионные экраны.

— В Советском Союзе его имя хорошо известно, — сообщил Тони Баттен, который вел специальную часовую телепередачу, посвященную памяти Робсона. — А в Америке? В этой программе мы вернем его из забвения...

— Когда мы уходим из жизни, мы перестаем быть проблемой, — говорит мне американский писатель Ллойд Браун, близкий друг покойного. — Многие годы вы могли бы просто не догадываться, что когда-то Робсон существовал. А теперь, наверное, и «Нью-Йорк таймс» напечатает в общем-то объективный некролог...

Газета в самом деле призвала: «Робсон, один из самых влиятельных артистов и политических деятелей, которых когда-либо дала стране черная Америка, жил на своей родине под тучами во время «холодной войны» как политически инакомыслящий и откровенный поклонник Советского Союза».

Это были свинцовые тучи, создававшие атмосферу антикоммунизма. В 1947 году один видный деятель давал показания насчет «подрывной деятельности» в комиссии палаты представителей. Его спросили, как он определяет, кто из американцев коммунист, а кто нет. Свидетель ответил: если человек идет на концерт Робсона, да еще ему аплодирует — он коммунист.

Теперь «Вашингтон пост» ставит Робсону в вину, что он был «впереди своего времени». Во-первых, пишет газета, «он отказывался отречься от своего восхищения Советским Союзом. Во-вторых, он выступал за освобождение народов Африки». «Все это, — подводит газета политический итог, — делало его в глазах некоторых вдвойне опасным: опасным черным и опасным красным».

Перед ним гасили огни рампы. Молодчики срывали его концерты. Фильмы с его участием исчезали не только с экранов — из хранилищ. Когда, например, Американский институт фильма попытался организовать в 1973 году просмотр картины «Император Джонс», во всей стра-

не не обнаружилось ни одной целой копии. Ему закрыли путь на телевизионный экран.

«Нью-Йорк таймс» сожалеет: не шел бы Робсон в политику, не ушел бы от славы и успеха на сцене. Но именно это сочетание, вернее, крепчайший сплав артистических талантов и гражданского мужества и сделал Робсона символом мира и дружбы народов и обеспечил любовь и память человечества.

Последние годы Робсон тяжело болел и почти никого не принимал — хотел, чтобы его помнили таким, каким он был в расцвете сил и таланта. Жил он вместе с сестрой в Филадельфии. Ему было 77.

Враги стали распускать слухи, будто он поменял свои политические взгляды. Его сын Поль Робсон-младший заявил: «Ничто не может быть дальше от правды». А Ллойд Браун рассказывает:

— Я показал Полю номер «Литературной газеты» со статьей о нем, опубликованной в мае прошлого года. Он был ей очень рад. Она развеяла его, конечно же, необоснованные опасения относительно того, что из-за продолжительного молчания советские друзья могут его забыть. Я заверил Поля, что это невозможно.

В самом конце прошлого года, когда состояние здоровья Робсона резко ухудшилось, его перевели в больницу в Филадельфии. Ллойд Браун побывал у него в палате за два дня до кончины. Он вспоминает:

— Я знал, что это наша последняя встреча. Состояние его быстро ухудшалось. Но он был в сознании. На столике возле кровати лежало 28 писем, многие с адресом: «Филадельфия, больница, Робсону», и во всех — слова благодарности. Я читал ему эти письма. Одна учительница из Детройта вспоминала, как мать взяла ее на концерт Робсона, когда она была еще девочкой. До сих пор она помнит этот день...

Робсон любил родину. «Мне наплевать, что думают обо мне и о моих идеях хозяева страны, — говорил он в 1957 году. — Но я принимаю близко к сердцу все, что касается Америки простых людей...».

И он останется в сердцах простых людей.

Г. ГЕРАСИМОВ,
соб. корр. АПН.
Нью-Йорк.